

Преемственность в конфуцианской Азии – настоящее прошлое

Восточная Азия на протяжении веков манила путешественников, искателей приключений, купцов и исследователей. Азию пытаются понять, изучить или прикоснуться к ней – далекие страны сохранили свое очарование и таинственную вуаль, окутывающую каждый их шаг даже на политической арене и сегодня. Эта работа представляет собой попытку осознать уникальность конфуцианской Азии и то, почему ее традиции во многих сферах не были снесены волной потрясающих основы мира изменений XX в.

Международные отношения в конфуцианской Азии часто описывают как вассально-данническую систему (tributary system) с центром в Китае. Вассалитет, при этом, был неоднородным – некоторые государства имели более крепкие связи с центром, в том числе из-за географических условий. Китай, окруженный варварами, называл себя Срединным государством, распространяющим культуру и блага цивилизации на варваров. Такое описание характерно для империй Древнего мира, однако, в конфуцианской Азии отношения между центром и периферией определялись как отношения между отцом и сыном [1].

Исследователи выделяют несколько сфер влияния Китая во времена династии Тан (618–907 гг.) – контролируемые центром области, протектораты, вассально-даннические отношения (Бохай, Когуре, Пэкче, Сила, южные династии), отношения, основанные на патриархальной модели (уйгуры, Тибет и пр.) и даннические отношения (Япония, Шривиджайя, Чампа, Камбоджа) [2]. Вассалитет зачастую были простой формальностью. За этим нередко стояли вполне обычные для международной арены явления, например, торговля [3].

Было бы ошибкой считать данническую систему Китая декорацией. Всем государствам, входившим в конфуцианское сообщество, как подчеркивает Л. С. Васильев, присущи следующие черты: «этническая гомогенность,

тенденция к слиянию политико-административной власти с религиозно-этическим авторитетом, самовоспроизводство политической администрации даже после государственных переворотов» [4]. Сюда же следует добавить и религиозный синкретизм.

Поворотным периодом в истории конфуцианской Азии стало ее «открытие» европейцами – Опиумные войны и неравноправные договоры. Однако в отличие от средневековой смены династий в Китае, ни одна великая держава не покушалась на власть династии Цин (1644–1912), а единственной угрозой Китаю становилась Япония, желавшая стать в центре конфуцианского порядка. Тяжким ударом для Китая стали Симоносекские договоренности [5] по окончании японо-китайской войны (1894–1895) – вассал империи пошел против нее. Япония и в XX в. не посягала на мировое господство – Великая азиатская сфера процветания предназначалась только Азии.

Обучение элит явилось одним из важнейших факторов переформатирования региона – это заметно на примерах Японии (реставрация Мэйдзи) и Кореи (первые лидеры КНДР и Республики Корея получали высшее образование в СССР и США соответственно).

Однако изменилось далеко не все. Ярким примером являются агитационные плакаты – на плакатах Северной Кореи, Китая и Вьетнама использовалось сопоставление лидера с Солнцем – нечто неотделимое от конфуцианского мировосприятия: «не может быть двух Солнц на небе и двух владык на Земле» [6]. Интересно то, что Япония не только активно использует образы Солнца, в том числе и в государственном флаге, но и император почитается как сын солнечной богини Аматерасу.

Что касается внешних связей Китая, нельзя не учитывать сохраняющуюся стратегию мышления [7], а также продвижение культурных ценностей Китая (теперь по всему миру) через Институты Конфуция. Китай сегодня, в первую очередь за счет роста экономики выходит на позиции, свойственные ему исторически – центрального игрока в Восточной Азии. Против такого

тяжеловесного актора не прослеживается классический баланс сил, как было в европейских международных отношениях [8].

Конфуцианство пронизывало все сферы жизни людей в этих странах [9], формировало представление их друг о друге на межгосударственном уровне, а после изменения региональной системы в результате вмешательства объективно более сильных западных держав, продолжило так или иначе присутствовать в принятии внешнеполитических решений (стратегемы, облечение политического курса в образную форму в рамках публичной дипломатии и т. д.). Некоторый возврат к классическим идеям в Восточной Азии может привести к возрождению конфуцианских подходов в международных отношениях, что может привести к стабильности региона, на что нам указывает исторический опыт.

Литература

1. *Song, K.* The Clash of Histories in East Asia. Seoul, 2010. P. 237.
2. *Song, K.* The Clash of Histories in East Asia. Seoul, 2010. P. 238.
3. *Kang, D. C.* East Asia Before the West. Five Centuries of Trade and Tribute. New York, 2012. P. 116.
4. *Васильев, Л. С.* История Востока: В 2 т. Т. 1: Учеб. по спец. «История». М., 2001. С. 239.
5. *Киссинджер, Г.* О Китае. М., 2015. С. 101.
6. Zengzi Wen [Электронный ресурс] // Chinese Text Project. URL: <http://ctext.org/liji/zengzi-wen?filter=621605> (дата обращения: 3.03.2016).
7. *Киссинджер, Г.* О Китае. М., 2015. С. 121.
8. *Kang, D. C.* China Rising. Peace, Power, and Order in East Asia. New York, 2007. P. 10.
9. *Chung, E. Y. J.* The Korean Neo-Confucianism of Yi T'oegye and Yi Yulgok. A Reappraisal of the "Four-Seven Thesis" and Its Practical Implications for Self-Cultivation. New York, 1995. P. 1.